

Научная статья
УДК 94(560)+94(47)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-77-100
EDN: CHSANW

МИГРАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗЦЕВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП (1858-1862 ГГ.)

Георгий Витальевич Чочиев

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН, Владикавказ, Россия, georg-choch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

Аннотация. В статье прослеживается процесс формирования устойчивого и массового миграционного потока представителей народов Северного Кавказа в Османскую империю в период с конца 1858 до середины 1862 г., условно выделяемый как начальный этап кавказского (горского) мухаджирства. Привлечение значительного круга опубликованных российских и преимущественно неопубликованных и впервые вводимых в научный оборот турецких и британских архивных документов, наряду с данными современной отечественной и зарубежной историографии, позволяет расширить и уточнить представления об общественно-экономических, внутри- и внешнеполитических причинах и сопутствующих обстоятельствах названного переселенческого движения, его динамике и эволюции, количественных и этнических параметрах, равно как и подходах и шагах в этом вопросе официальных Санкт-Петербурга и Стамбула. При признании единой, общекавказской природы этого социально-миграционного явления обращается внимание и на определенную специфику в его характере, интенсивности и масштабах в различных частях региона.

Ключевые слова: Северный Кавказ, северокавказские горские народы, Российская империя, Османская империя, российско-османские переговоры, эмиграция, иммиграция.

Для цитирования: Чочиев Г.В. Миграции северокавказцев в Османскую империю: начальный этап (1858-1862 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 77-100. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-77-100. EDN: CHSANW.

© Чочиев Г.В., 2024

Original article

MIGRATIONS OF NORTH CAUCASIANS TO THE OTTOMAN EM- PIRE: INITIAL STAGE (1858-1862)

Georgy V. Chochiev

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, Russia, georg-choch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

Abstract. The article traces the process of formation of a stable and massive migration flow of representatives of the peoples of the North Caucasus to the Ottoman Empire in the period from the end of 1858 to the middle of 1862, conditionally identified as the initial stage of the Caucasian muhajirism. Involvement of a significant range of published Russian and predominantly un-

published Turkish and British archival documents along with modern domestic and foreign historiography allows us to expand and clarify our knowledge on the socio-economic, internal and external reasons and accompanying circumstances of the said resettlement, its dynamics and evolution, quantitative and ethnic parameters, as well as the approaches and steps in this sphere of official St. Petersburg and Istanbul. While recognizing the unified, pan-Caucasian nature of this socio-migrational phenomenon, attention is drawn to certain specificities in its nature, intensity and scale in different parts of the region.

Keywords: North Caucasus, North Caucasian highland peoples, Russian Empire, Ottoman Empire, Russian-Ottoman negotiations, emigration, immigration.

For citation: Chochiev G.V. Migrations of North Caucasians to the Ottoman Empire: initial stage (1858-1862). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 77-100. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-77-100. EDN: CHSANW.

© Chochiev G.V., 2024

Введение

Миграциям представителей северокавказских народов в Османскую империю во второй половине XIX – начале XX в., обычно описываемым в отечественной историографии термином «мухаджирство», была посвящена за истекшие полтора столетия довольно обширная научная литература. Впервые поставленная еще дореволюционным официозным историком А. Берже [Берже 1882], данная проблема получила глубокую и разностороннюю разработку в трудах целого ряда видных советских и современных российских исследователей [см., напр., Тотоев 1948; Дзидзария 1982; Касумов, Касумов 1992; Кудаева 1998; Магомеддадаев 2000; Гугов и др. 2000; Кумыков 2001, 2003; Половинкина 2001; Панеш 2006; Бадаев 2008; Кушхабиев 2009], равно как и некоторых зарубежных авторов [Turgay 1991; Nahiçoğlu 1993; Saydam 1997 и др.]. Тем не менее многие ее ключевые аспекты, в том числе причины переселения, роль в нем политики российского и османского государств, численные параметры и периодизация процесса исхода горцев и т.д., по-прежнему остаются недостаточно проясненными и в ряде отношений дискуссионными. Этим обстоятельством в первую очередь обуславливается и сохраняющаяся актуальность данной тематики, лежащей на пересечении исторического кавказоведения и османистики.

Предлагаемая работа ставит своей целью достаточно подробное исследование сущностного и фактологического содержания начального этапа указанного движения, который, на наш взгляд, укладывается в хронологические рамки между концом 1858 г., когда запустился, во многом стихийно, массивный миграционный процесс, и серединой 1862 г., ознаменовавшейся официальным переходом российского руководства к депортационной стратегии в отношении нежелательных групп населения региона в русле постановления Кавказского комитета от 10 мая (т.н. плана Бярятинского-Евдокимова)¹. Для решения названной задачи привлекаются, помимо известных российских источников,

¹ Фактически этот же интервал времени выделяет в качестве первого этапа мухаджирства (применительно к выселению западных адыгов) А. Панеш [Панеш 2006: 232]. Вместе с тем следует признать известную условность любых вариантов периодизации рассматриваемого явления ввиду его многофакторного, нелинейного и асинхронного, в масштабах региона, характера.

также турецкие и отдельные британские документальные материалы, по преимуществу впервые вводимые в научный оборот, что должно способствовать формированию более полного и объективного представления об истоках, общественно-экономических и политических факторах и, собственно, динамике (ходе) изучаемого явления на означенном временном отрезке¹. При этом с учетом определенных различий в характере, темпах и масштабах мухаджирства на западе, в центре и на востоке Северного Кавказа (при бесспорности единой, общерегиональной природы этого социально-миграционного феномена) мы считаем оправданным до некоторой степени дифференцированное рассмотрение его соответствующих этнолокальных версий в рамках настоящей статьи.

В целом очевидно, что начало исхода северокавказцев с родины на рубеже 1850-х – 1860-х гг. было предопределено возобновлением и интенсификацией военно-административной деятельности царских властей в регионе после вызванного Крымской войной перерыва². В частности, ослабление позиций России в бассейне Черного моря вследствие подписания Парижского мира 1856 г. и непростая политическая и экономическая обстановка внутри империи настоятельно побуждали Петербург к скорейшему установлению своего полного и безоговорочного контроля над всей территорией Кавказского края.

Миграции с Северо-Западного Кавказа³

На Северо-Западном Кавказе возросшее давление на непокорные и полупокорные, по имперской классификации [см., напр., Гугов и др. 2000: 40, 88-89; Касумов, Касумов 1992: 88], горские общества проявилось прежде всего в усилении наступательных действий царских войск и активном продвижении линии русских военных поселений на запад и юг от р. Кубань: в 1858-1860 гг. казачьи станицы были водворены на пространстве до Лабы, а в 1861-1862 гг. – до Белой. Аналогичные мероприятия осуществлялись и в направлении от побережья Черного моря к Адагуму. Этот форсированный колонизационный натиск, сопровождавшийся неуклонным обезземеливанием проживавших здесь народов, резко усилил в их среде настроения в пользу эмиграции в султанские владения с целью избежать полного подчинения русской власти. Первоначально данное движение наметилось среди прикубанских ногайцев, распространившись очень быстро на соседние, а затем и относительно удаленные адыгские группы (махошевцев, егерукаевцев, темиргоевцев, хатукаевцев, бжедугов, бесленеевцев, кабардинцев-хаджретов) и абазин (ашхарцев и тапантцев) [Гугов и др. 2000: 86-88, 170-172]. При этом вплоть до начала 1860-х гг. роль инициаторов и организаторов переселения играли, как правило, представители феодальной элиты и в

¹ Оговоримся, что вопросы адаптации и колонизации кавказских иммигрантов в османском государстве после их вступления в подданство Порты в данной статье специально не затрагиваются.

² Перемещения жителей Черкесии и Дагестана в Османскую империю, вызванные неблагоприятным для горцев развитием событий на западном и восточном театрах Кавказской войны, отмечались начиная по крайней мере с 1820-х – 1830-х гг., однако они носили спорадический и немассовый характер [см. Чочиев 2023а; Чочиев 2023б].

³ Под Северо-Западным Кавказом понимается пространство в пределах созданной в 1860 г. Кубанской области, а под рассматриваемыми в следующем разделе центральной и восточной частями региона – территории образованных тогда же Терской и Дагестанской областей.

целом состоятельных слоев, надеявшиеся превентивным уходом из российских пределов спасти свою собственность, включавшую в себя в том числе крепостных и рабов, от надвигающегося военного разгрома и столь же неотвратимой крестьянской реформы [Берже 1882: 346; Гугов и др. 2000: 14; Касумов, Касумов 1992: 149]. В определенной степени вдохновителями миграции могли выступать и «турецкие эмиссары» российских официальных источников, в действительности представлявшие собой скорее местные туркофильски настроенные элементы, преимущественно из мусульманских священнослужителей и возвратившихся из османских земель хаджи, которые способствовали распространению среди соплеменников слухов о якобы заключенном между двумя державами после Крымской войны соглашении об обмене единоверным населением, готовности Порты к оказанию щедрого приема кавказцам и т.п. [АКАК 1904: 51; Касумов, Касумов 1992: 154]

Поскольку указанные выше адыгские и абазинские группы, включая не желающие изъявлять покорность Петербургу, формально считались вошедшими под державную руку царя, а российское законодательство не допускало свободного выезда за границу и смены подданства жителями империи, для придания легального и благовидного характера начавшемуся исходу горцев кавказской администрацией был выработан механизм их «временного отпуска» (сперва на 12, затем на 6 месяцев) в Османскую империю «на поклонение гробу Магомета»¹, призванный, с одной стороны, не дать европейской дипломатии оснований для обвинения России в изгнании коренного населения с захваченных земель, а с другой – лишить Порту аргументов для препятствования массовой иммиграции. Следует подчеркнуть в данной связи, что российские инстанции не только полностью отдавали себе отчет в том, что заграничные паспорта (или «увольнительные билеты»), выдаваемые ими отбывающим в Турцию «целыми семействами» и со всем движимым имуществом «паломникам», на деле являются билетами в один конец, но и в какой-то мере стимулировали этот процесс, например, негласно облегчая продажу переселенцами имеющейся у них на родине недвижимости [Озова 2015: 62-63; Хамицаева 2018: 172-173].

В 1858-1859 гг., по данным кавказского военного командования, на турецкую территорию ушло под видом паломничества до 30 тыс. «прикубанских мусульман», главным образом ногайцев [Гугов и др. 2000: 156; Кумыков 2003: 209]. Относительно доли адыгов и абазин в названном количестве в российских источниках сведений не обнаружено, однако известно, что только из черкесов Нижне-Прикубанского приставства в 1859 г. в Османскую империю было «отпущено» 533 семейства или 5211 чел. [Кумыков 2001: 84-85, 87]

Определенное представление о последовательности, обстоятельствах и размерах этих становящихся все более непрерывными миграций дают отчеты пристально наблюдавших за ними британских консулов в османских и россий-

¹ В инструкции командующего Кавказской армией местным служащим от 30 июля 1859 г. прямо указывалось, что горцы «должны проситься в отпуск, а не о переселении в Турцию; в последнем случае отказывать им, объясняя, что это не дозволяется государственными законами...» [Кумыков 2001: 85].

ских черноморских портах, в частности Трабзоне и Керчи¹. Еще в начале 1858 г. консул Стивенс сообщил о доставке в Трабзон на предназначенных для перевозки рабов судах² примерно 50 черкесов свободного статуса [TNA. FO 881/3065; Rosser-Owen 2007: 19], что, возможно, являлось замаскированной формой эмиграции. В октябре того же года консул Элдридж доносил из Керчи о прибытии в этот порт направляющихся в Мекку 57 семейств (около 400 чел. обоего пола), «в основном из провинции Верхняя Кубань» (то есть Верхне-Кубанского округа), заметив не без недоумения, что впервые стал свидетелем «столь значительного числа паломников, покидающих Кавказ совместно» [TNA. FO 881/3065]. Впрочем, уже в следующем месяце он докладывал об отплытии из Керчи в Стамбул на английском пароходе еще одной партии в 250 чел. и приближении к городу новых групп, пояснив на сей раз, что «так называемые паломники» представляют собой, в сущности, переселенцев, которых русские власти «побудили» оставить свои земли, чтобы «избавиться от полувраждебных племен на черкесской границе». В той же депеше содержалась и информация о недавней переправке из Сухум-кале в Трабзон на российском пароходе 400 черкесов – «большой частью, если не полностью, рабов» – под надзором лица в российской униформе [TNA. FO 881/3065]. Одновременно трабзонским консульством была зафиксирована высадка на местный берег 300 абазин (Abaziottes), которые сообщили о намерении последовать их примеру еще около 5 тыс. своих соплеменников, убежденных в готовности султана предоставить им земли и другие «преимущества» [TNA. FO 881/3065]. Наконец, в донесении Элдриджа от 15 июня 1859 г. констатировалось «почти ежедневное» прибытие в Керчь на пути в Стамбул крупных групп черкесов предположительной общей численностью в 3 тыс. семейств или не менее 15 тыс. чел. При этом причиной их исхода, по сведениям консула, было «сделанное им русским правительством предложение переместиться в глубь России с целью освобождения места для создания в их стране военных колоний, на что они, однако, не согласились, предпочтя эмигрировать в Турцию» [TNA. FO 881/3065]. Данный комментарий указывает на фактическую постановку российскими властями черкесов перед дилеммой переселения во внутренние районы империи или удаления в османские пределы задолго до утверждения депортационного постановления Кавказского комитета в мае 1862 г.³

Вышеприведенная хронология вполне сообразуется с данными османских документов, в которых первое после Крымской войны упоминание о появлении в стране заметной группы выходцев с Северо-Западного Кавказа относится к

¹ В качестве пунктов отбытия из России горцев, направлявшихся в Османскую империю морским путем, в этот период были определены Керчь, Анапа и Сухум-кале [Кумыков 2001: 85-86]. Основной поток «увольняемых», однако, следовал через Керчь [Кумыков 2003: 66].

² Согласно свидетельствам, рабы перевозились с Кавказа в Анатолию на небольших, иногда не более 6-7 метров в длину, парусных шлюпках, обычно до предела заполнявшихся людьми. Плохая оснащённость этих судов делала путешествие на них, особенно при неблагоприятных погодных условиях, довольно рискованным предприятием [Toledano 1982: 41-42].

³ Это подкрепляется и свидетельством редактора стамбульской газеты «Левант геральд», имевшего, несомненно, возможность получать информацию непосредственно от прибывающих иммигрантов, о том, что начиная с середины 1859 г. жителям Закубанья предоставлялся «...выбор между перемещением в Сибирь и эмиграцией сюда» [Rosser-Owen 2007: 19].

началу декабря 1858 г. и связано с прибытием в Стамбул 1060 черкесов и ногайцев, заявивших о своем желании быть поселенными в «подходящих местностях» империи. Все они как «мусульмане и беженцы» были признаны Портой достойными гостеприимства и всемерной заботы и препоручены до наступления весны попечению столичных властей [ВОА. İ.DH 420/27766]. В течение всего следующего года, но особенно интенсивно с середины лета регистрировался нарастающий приток переселенцев из кубанского региона, порой сотенными и даже тысячными партиями [см., напр., ВОА. А.МКТ.NZD 284/40, 297/26, 298/102, 302/28; ВОА. İ.MMS 16/649]. По подсчетам стамбульских муниципальных служащих, с 18 ноября 1858 по 28 ноября 1859 г. в столицу, куда на данном этапе переправлялись практически все иммигрирующие морем северокавказцы для последующего распределения по районам колонизации в Анатолии и на Балканах, были доставлены 17003 чел. или 2552 семейства, в том числе 11309 ногайцев (1817 семейств) и 5694 черкеса (735 семейств) [ВОА. Y.EE 34/53]¹. В датированном же 27 декабря 1859 г. представлении великого везира султану говорилось уже о примерно 26 тыс. иммигрантов, из которых 10 тыс. все еще находились в Стамбуле, а 16 тыс. были перемещены во внутренние области государства [ВОА. İ.MMS 16/696]². В эти же дни в Синопе, Самсуне и Трабзоне находилось несколько тысяч западнокавказцев, в основном также подлежавших отправке в Стамбул в силу отсутствия в упомянутых портовых городах возможностей для длительного размещения значительных масс мухаджиров [ВОА. А.МКТ.NZD 297/26, 302/9, 302/28; Гугов и др. 2000: 14].

С учетом содержащихся в российских, британских и турецких источниках сведений можно предположить, что количество пересекших в 1858-1859 гг. османскую морскую границу черкесов выражалось цифрами около или чуть более 15 тыс. чел.

Необходимо отметить, что вследствие относительно организованного отправления ногайских и черкесских переселенцев конца 1850-х – начала 1860-х гг. из России их путешествие через Черное море характеризовалось в целом умеренным уровнем тягот и лишений. По свидетельству председателя османского Карантинного совета (*Меджлис-и тахаффуз*) французского врача А. Фовеля, иммигранты до и во время плавания не ввергались в тотальную нужду – «они не умирали от голода; они прибывали, как правило, на больших судах³, куда их, правда, набивали безо всякой меры, но где им было обеспечено пита-

¹ Для большинства черкесских групп в документе указана «племенная» принадлежность. Так, 328 чел. определены как алтыкесеки (*алтыкесек*), то есть абазины-тапанты, 128 – бесленевцы (*бесни*), 2192 – хатукаевцы (*хатугай*, *хабукахабле*), 360 – бжедуги (*бжедуг*), 696 – *енем/ним(?)*, 113 – *джетмал(?)*.

² Согласно «Левант геральд», однако, на начало января 1860 г. только в Стамбуле и его европейских и азиатских пригородах было «набито по сырым караван-сараям» 18-20 тыс. иммигрантов [Rosser-Owen 2007: 19].

³ Тот факт, что в этот период для перевозки иммигрантов использовались суда государственных или достаточно известных частных компаний (османских, российских, британских, греческих и др.), не мог, разумеется, служить гарантией безопасности от всех превратностей морского путешествия. Известно, например, что в октябре 1859 г. у берегов Анатолии в районе Инеболу потерпел крушение османский торговый парусник с 450 ногайцами на борту, из которых спастись удалось только 277 [ВОА. А.МКТ.NZD 294/3]. Зимой 1859-1860 гг. один из двух кораблей, перевозивших в общей сложности около 800 ногайцев, сел на мель и затонул близ городка Балчик на болгарском побережье, в результате чего погибли от 200 до 300 чел. [ВОА. А.МКТ.UM 403/30; ВОА. А.МКТ.NZD 311/5].

ние»; кроме того, «они не прибывали в непомерных количествах разом», благодаря чему удавалось избежать их экстремальных скоплений [Fauvel 1864: 50]. Тем не менее из-за скученности на борту кораблей многие переселенцы заболели тифом, холерой и другими инфекциями¹, которые лишь усугублялись в условиях не меньшей перенаселенности пунктов их временного содержания в Стамбуле [BOA. İ.MMS 18/762; Fauvel 1864: 50-51]. С другой стороны, из переписки османских чиновников явствует, что, несмотря на отсутствие фактов массового физического истощения среди членов прибывающих групп и наличие в них отдельных состоятельных лиц, подавляющая часть мухаджиров была представлена «бедными и неимущими», зачастую неспособными без помощи государства расплатиться с владельцами доставивших их судов [BOA. İ.DH 420/27766]².

Неконтролируемый и непрогнозируемый въезд в страну все новых контингентов нуждающихся в немедленной материальной и санитарно-медицинской поддержке людей с неизбежностью вел к усилению нагрузки на имперскую казну и бюрократический аппарат и исчерпанию резервов продовольствия и жилья в местах пребывания иммигрантов, в первую очередь в стамбульском регионе³. Более того, распространение в ряде кварталов столицы привезенных переселенцами болезней и получившие огласку случаи их обращения к мелкому воровству и другим правонарушениям вызывали растущее беспокойство жителей города, в том числе его европейских кварталов, привлекая к себе внимание иностранных дипломатов, коммерсантов, журналистов и т.д., что немало тревожило Порту [Cuthell 2005: 167-168]. Не замедлили начать поступать в султанскую администрацию и донесения о задержках и недостатках в поселении черкесов и ногайцев в различных провинциях, бедственном положении ряда общин и порожденной этим напряженности на местах [BOA. A.MKT.MHM 188/53; BOA. İ.MMS 22/961, 22/962]. В данной связи следует иметь в виду, что иммиграционный поток в империю в рассматриваемый период далеко не ограничивался кавказцами и включал в себя более многочисленных крымских татар и

¹ В августе 1860 г. османское внешнеполитическое ведомство направило российской стороне ноту по поводу погрузки на перевозящие татарских иммигрантов корабли значительно превосходящего их вместимость количества пассажиров, потребовав строгого соблюдения всех санитарных норм для недопущения распространения инфекционных болезней [Коғ 2020 : 60-61].

² Очевидец событий официальный хронист Ахмед Лютфи-эфенди описывает высадившихся в конце 1859 г. на пристанях Золотого Рога иммигрантов эпитетами «нагие» (*чырлак-чыплак*) и «неприкаянные» (*перишан*) [Lütfi 1984: 155-156].

³ На первых порах черкесы и ногайцы расселялись властями главным образом в расположенных в центральной части Стамбула караван-сараях, мечетях (в том числе крупнейших – Айя-Софья, Султанахмед, Фатих и др.), медресе и прочих учебных заведениях (к примеру, в строящемся здании Стамбульского университета Дарульфонун) [BOA. İ.DH 437/28882]. В конце 1860 г. было принято решение о сооружении в несколько более удаленных от центра кварталах Енибахче и Топхане барачных и палаточных лагерей для мухаджиров, а также их размещении на азиатском берегу Босфора – в районах Ускуодар и Хайдарпаша [BOA. A.MKT.MHM 199/17; BOA. A.MKT.NZD 315/3, 318/71, 321/49, 330/4; BOA. İ.DH 463/30915].

ногайцев¹, часть которых также высаживалась в Стамбуле, хотя большинство направлялось в балканские порты².

Перед лицом наметившегося миграционного и гуманитарного кризиса правительство в начале сентября 1859 г. провело обсуждение создавшегося положения, в ходе которого по существу впервые было продемонстрировано официальное понимание отнюдь не разовой и не временной природы кавказского исхода, названного «способным, похоже, к продолжению»³, и констатирована потребность в «неком принципе» в данном вопросе. Наряду с этим беспокойство Порты вызвала некоторая двусмысленность формального статуса черкесов и ногайцев, прибывавших в качестве российских богомольцев-хаджи, а не иммигрантов, что, как опасались министры, могло быть при определенных обстоятельствах использовано Россией как повод для вмешательства в османские внутренние дела⁴. С учетом этого в ходе дискуссии были высказаны и оценены с морально-религиозной, правовой и прагматической точек зрения три потенциальных образа действий в отношении недавно прибывших и ожидаемых в ближайшем будущем северокавказцев, а именно: 1) выдворение обратно в Россию, 2) непризнание (игнорирование), 3) прием и поселение в стране. Первая альтернатива была сочтена «неподобающей высокой славе Государства, поскольку... упомянутые мухаджиры покинули свою родину и пожертвовали своим имуществом с целью укрыться под спасительным крылом Возвышенного Халифата». Второй вариант также был отвергнут, так как «высочайшее милосердие не может смириться с тем, чтобы они, будучи беспомощны и неспособны обеспечить себя средствами к существованию,... оказались предоставлены сами себе и впали в нищету». В результате было признано «вынужденной необходимостью» оказание въезжающим в страну с российскими паспортами кавказцам помощи в обустройстве в султанских владениях как переселенцев (мухаджиров) при условии их добровольного перехода в османское подданство. Связанный же с таким решением риск дальнейшего расстройств государственных финансов мог быть компенсирован «текущими и грядущими выгодами», которые сулило размещение в империи «подобного мусульманского населения» [BOA. İ.MMS 16/649; BOA. A.MKT.NZD 289/53].

Что же касается вопроса смены подданства, для его прояснения Стамбул запросил у Петербурга гарантии непредъявления в будущем претензий на покровительство в отношении переселенцев, каковые и были предоставлены в начале января 1860 г. через российского посланника А. Лобанова-Ростовского в устной, а затем, по настоянию османской стороны, также и в письменной фор-

¹ С 1856 по 1860 г. на османскую территорию прибыло не менее 100 тыс. чел. из Крыма, а в следующие несколько лет – еще более 200 тыс. [Karpat 1985: 66].

² Уже летом 1860 г. османскими чиновниками было высказано опасение, что известия о достаточно успешном поселении в предыдущие годы на Балканах крымцев могут достичь их родины и спровоцировать новые миграции, чреватые дальнейшим истощением ресурсов казны и населения [Karpat 1984-1985: 5].

³ Причины этого явления, однако, были весьма односторонне сведены к «распространившейся там [на Кавказе] молве о высочайших милостях, ранее пожалованных... крымским мухаджирам» [BOA. İ.MMS 16/649].

⁴ Эти опасения османского руководства, несомненно, проистекали из его предыдущего опыта взаимоотношений с европейскими державами, не раз нарушавшими юрисдикцию Порты под предлогом защиты своих подданных из числа местных христиан, и время от времени выдвигавшими претензии на «покровительство» над христианскими подданными самого султана.

ме. В поступившем из посольства письме в частности разъяснялось, что не вернувшиеся в срок на родину паломники, в соответствии со сделанным им перед отъездом и основанным на российском законодательстве уведомлением, автоматически утрачивают российское подданство и все свои права на Кавказе, равно как и у России после этого не может оставаться на них каких-либо прав [ВОА. İ.HR 173/9438, 173/9453; Гугов и др. 2000: 15, 41]. Удовлетворившись в целом таким ответом, но желая, вероятно, исключить в перспективе восстановление легальных уз между мухаджирами и государством их происхождения, Порты одновременно приняла постановление, предусматривавшее изъятие российских паспортов у вступающих «под руку султана» кавказцев со взятием с них расписок о невыходе из нового подданства и готовности в противном случае отказаться в пользу казны от всего своего имущества (земли, жилья, скота и др.) – как полученного от властей при поселении, так и нажитого самостоятельно [ВОА. İ.HR 173/9438, 173/9453; Sağlam 2020: 1540]¹.

Несмотря на урегулирование означенных базовых принципов северокавказской иммиграции, очевидная неподъемность для государства задачи адекватного материального и организационного обеспечения этого процесса в условиях его стремительного нарастания вынуждала османское руководство обращаться к российской стороне с просьбами о сдерживании исхода. В течение второй половины 1859 г. османское Министерство иностранных дел и великий везират неоднократно выражали Лобанову-Ростовскому свою обеспокоенность по поводу «чрезмерно усилившегося и обременяющего Порту» переселения кавказцев, настаивая на его приостановке или, по крайней мере, ограничении и совершении впредь лишь с «предварительного согласия обоих правительств» и «не разом, а малыми партиями» [Гугов и др. 2000: 15-16, 21; Берже 1882: 342]. Предположительно в начале декабря Порты в очередной раз ходатайствовала перед российским посольством об отсрочке переселения – ради предотвращения неоправданных страданий и гибели людей из-за тягот зимнего путешествия – до наступления весны, предложив, кроме того, предварять отправление с родины групп мигрантов посещением их представителями Османской империи для ознакомления с характером и объемом предназначенной им помощи и местами возможного поселения во избежание последующего недовольства [Saydam 1997: 87]. При этом, по утверждению Лобанова-Ростовского, министр иностранных дел Фуад-паша не сомневался в том, что «у турецкого правительства не будет недостатка в доказательствах для отклонения депутатов и их соотечественников от перехода в Турцию» [Гугов и др. 2000: 23].

Полученные посланником в начале весны из Петербурга инструкции, однако, не предполагали существенных уступок Порте в данном вопросе и сводились в основном к ссылкам на богомольческий характер переселения, запретить которое Россия, идя навстречу «внушенным религиозной убежденностью» желаниям горцев, «не хотела и не могла». Невозможность воспрепятствовать

¹ Подобная процедура практиковалась османскими властями и ранее. Так, в 1848 г. Порты затребовала расписки о невыходе из османского подданства у поселяемых в Сирии мухаджиров из оккупированного Францией Алжира во избежание потенциальных манипуляций со стороны Парижа, допуская в случае отклонения переселенцами этого условия их депортацию обратно на родину [Buzpinar 1997: 93-94].

«безотчетному стремлению кавказских уроженцев к переселению» аргументировалась также продолжающимся действием «на умы этих необразованных племен» распространяемых, как подразумевалось, тайными османскими агентами «несбыточных слухов и преувеличенных надежд» [Гугов и др. 2000: 15, 21, 41]¹. В то же время царская администрация согласилась в принципе с целесообразностью заблаговременного информирования противоположной стороны о готовящихся миграциях и направления до их начала в Стамбул уполномоченными своими общинами депутатами [Гугов и др. 2000: 21-22].

Впрочем, протесты османского правительства против неуклонно расширяющейся иммиграции, пусть и весьма сдержанные, по-видимому, серьезно встревожили петербургские и кавказские власти, негласно разрабатывавшие в этот период планы радикального демографического реформирования региона². Именно этим можно объяснить факт командирования в Стамбул в апреле 1860 г. представлявшего интересы кавказской администрации генерала М. Лорис-Меликова, которому надлежало оказывать содействие российскому посольству в преодолении противодействия султанских министров массовому переселению горцев [Гугов и др. 2000: 28; Берже 1882: 341]. Совместными усилиями Лорис-Меликову и Лобанову-Ростовскому удалось добиться от османских инстанций согласия на поэтапную иммиграцию 3 тыс. семейств из Терской и Дагестанской областей, якобы поставленных в безвыходное положение собственным решением распродать все свое имущество и не засеять полей на следующий год ради ухода в Турцию, что, несомненно, означало и принципиальную санкцию Порты на продолжение переселения кавказцев в целом. Кроме того, в ответ на готовность российских властей сделать несколько более упорядоченным и дозированным выпуск переселенческих партий со своей территории Порты приняла крайне важное для Петербурга условие о размещении мухаджиров «в значительном расстоянии» от межгосударственной границы [Гугов и др. 2000: 21-23; Берже 1882: 341-342; Turgay 1991: 202]. Хотя достигнутые в ре-

¹ Сущность этой весьма ухищренной позиции, направленной на оказание нажима на османские власти с целью обеспечения беспрепятственной эмиграции горцев, откровенно передана в письме исполняющего обязанности командующего Кавказской армией Г. Орбелиани командующему войсками Кубанской области Н. Евдокимову от 11 сентября 1862 г., которое заслуживает достаточно пространный цитирования: «...Начавшееся с 1858 г. переселение мусульман наших в Турцию было предметом весьма деятельной дипломатической переписки нашего правительства с турецким. Рассмотрев эту переписку, я увидел, что Порты не только никогда не изъявляла желания принимать к себе наших выходцев, но постоянно жаловалась на затруднения, в которые ставит ее прибытие их большими массами. Турецкое министерство неоднократно обращалось через нашего посланника и к нашему министру иностранных дел, и к наместнику кавказскому с настойчивыми просьбами остановить эти переселения. Эти жалобы и требования были нами отклонены под тем предлогом, что правительство наше не выселяет мусульман, а только дает им отпуска для путешествия в Мекку, что по правилам веротерпимости, против которой, вероятно, турецкое правительство не станет возражать, запрещение подобных отпусков мы не считаем возможным. Так как переселенцы отправлялись на свой счет с отпускными билетами, то турецкое правительство не могло ничего возразить против этой меры...» [АКАК 1904: 1011].

Берже также отмечает, что Порты «никогда не изъявляла прямого согласия на переселение, хотя принимала горцев, уходивших с Кавказа под предлогом поклонения гробу Мухаммеда» [Берже 1882: 342].

² Еще в начале 1860 г. главнокомандующий Кавказской армией А. Барятинский докладывал Александру II о целесообразности выселения части горцев Западного Кавказа в Турцию. Предметное обсуждение этих планов состоялось во второй половине того же года на совещаниях «высшего кавказского начальства» во Владикавказе, на которых был поддержан предложенный Евдокимовым проект покорения Западного Кавказа путем вытеснения черкесов из гор на прикубанскую равнину или в Турцию и колонизации их земель русско-казахским населением [Касумов, Касумов 1992: 146-148; Озова 2015: 64].

зультате этих переговоров договоренности, по всей видимости, не были оформлены в виде официального документа¹, они, тем не менее, впервые придали горской миграции вид до известной степени согласованного легитимного процесса, не нуждающегося в вуалировании под паломничество и т.п.

Примечательно, что приблизительно в этот же период османскими властями было принято решение об отказе от использования Стамбула как основного пункта приема мухаджиров из России и перенаправлении их потока в порты Северной Анатолии – Трабзон, Самсун и Синоп, где началось сооружение необходимой инфраструктуры для временного расселения прибывающих. Эта мера должна была оградить столицу от вызванных чрезмерным наплывом переселенцев экономических, санитарных и криминальных проблем, а заодно, как можно предположить, и скрыть от глаз европейских наблюдателей свидетельства неспособности государства султана-халифа предоставить достойное убежище всем просящим его мусульманам [Cuthell 2005: 169, 192; Nahiçoğlu 1993: 89]. В течение почти двух следующих десятилетий (вплоть до войны 1877-1878 гг.) Стамбул оставался преимущественно закрыт для вновь прибывающих иммигрантов, за исключением привилегированных лиц и семейств: представителей знати, духовенства, состоятельных городских слоев и т.п.²

Вне зависимости от содержания и статуса вышеупомянутого российско-османского соглашения переселение горцев из Кубанской области в Турцию в 1860 г. почти полностью приостановилось, сведясь в основном к уходу какого-то числа абазин, вытесненных из верховьев Урупа продвижением туда казачьей колонизации. Этот спад, по мнению администрации, был связан с распространением в области слухов о печальной судьбе ранее перебравшихся в султанские владения ногайцев [Гугов и др. 2000: 156-157, 171], небольшие группы которых вскоре начали легальным или нелегальным образом и, как правило, в чрезвычайно бедственном состоянии возвращаться на родину³. Замедлению миграционного движения в неменьшей мере способствовала, как представляется, и от-

¹ Видный специалист по истории и демографии поздней Османской империи К. Карпат полагал, что по итогам миссии Лорис-Меликова весной 1860 г. все же было подписано османо-российское соглашение о переселении «от 40 до 50 тыс. черкесов», однако не привел каких-либо подтверждений этого [Karpat 1985: 67]. Насколько нам известно, подобный документ не выявлен ни в российских, ни в турецких архивах (об отсутствии такого текста в османской дипломатической документации см. Saydam 1997: 100).

² Уже в мае 1860 г. некоему Бекмирзе, главе высадившегося в Трабзоне знатного семейства из 17 чел., пришлось обращаться к Порте со специальным прошением об их переправке на корабле в Стамбул. Власти, рассмотрев заявление, сочли возможным удовлетворить его, «так как это допустимо в отношении подобных им» [ВОА. А.МКТ.UM 408/67].

³ Бедствия ногайских мухаджиров в Османской империи особенно усугублялись размещением властями значительной их части в крайне неблагоприятных в климатическом отношении районах (на маярийной Аданской низменности и др.), что стало причиной их массовой гибели и отчаянных попыток найти более подходящие места поселения в Анатолии либо вернуться на Кавказ [см. Bayraktar 2008]. Реэмиграция ногайцев происходила и после 1860 г., о чем, несомненно, хорошо были осведомлены в западных адыгских обществах. Так, в ноябре 1861 г. отплывшую из Трабзона барку со 115 ногайцами прибило непогодой к черкесскому побережью у пристани Джубга, в связи с чем Сочинский меджлис обратился к трабзонскому губернатору с запросом о том, следует ли вернуть беглецов на османскую территорию или разрешить им продолжить путь в Россию [ВОА. А.МКТ.UM 515/49; ВОА. А.МКТ.NZD 379/58, 381/25]. О возвращении групп ногайцев в 1862 г. см. Дзидзария 1982: 207. На тот факт, что «плачевная участь татар... повернула вспять поток переселения [из Черкесии]», указывал и Т. Лапинский [Лапинский 1995: 424]. С другой стороны, вплоть до 1862 г. продолжали иметь место и отдельные факты эмиграции ногайцев с Кавказа в Анатолию [см., напр., ВОА. А.МКТ.UM 522/18].

носительная стабилизация на данном этапе линии военно-казачьего фронта в горах Северо-Западного Кавказа. Хотя османские источники сообщают о прибытии летом и осенью 1860 г. из крымских и кавказских портов (в частности Тамани) крупных партий мухаджиров [ВОА. А.МКТ.NZD 315/3, 315/97, 317/85, 318/71, 319/35, 321/49, 323/36; ВОА. А.МКТ.UM 408/67, 425/8; ВОА. А.МКТ.МНМ 193/46]¹, выходцы из названного региона явно составляли среди них несущественную долю.

Уже весной следующего года, однако, – с началом «систематического занятия предгорий за Кубанью казачьими станицами» [Милютин 2003: 453] – эмиграция из области вновь активизировалась, окончательно приобретая «беспрерывный... в больших или меньших размерах» характер [Гугов и др. 2000: 171]. В период до середины 1862 г. ею оказались затронуты весьма значительные группы адыгского и абазинского населения верховьев Зеленчуков, Большой и Малой Лабы, Ходзя и Белой, не пожелавшие перемещаться на низинные земли, указанные им русскими властями [Гугов и др. 2000: 40, 171-172; Кумыков 2001: 154-160]. В сущности, последние, по словам военного министра Д. Милютина, «не только не препятствовали [переселению], но даже поощряли, насколько от них зависело, дабы отделаться от строптивого и неудобоправимого населения» [Милютин 2003: 355]. Так, устанавливавшиеся армейским командованием правила отбытия с Кавказа различных общин включали в себя оказание им «всевозможного содействия в скорейшей распродаже» в ближайших станицах скота и иного имущества, беспрепятственное получение заграничных паспортов, прекращение в угоду горской знати признания свободными бежавших в русские владения крепостных и холопов из обязавшихся выселиться групп и т.п.; в то же время «изменившие долгу своей присяги на верноподданство» сообщества фактически принуждались к эмиграции даже в случае повторного изъявления покорности и согласия обосноваться на плоскости [Кумыков 2001: 154-155, 157-158].

Важные изменения были внесены и в порядок отпуска горцев за границу, осуществлявшегося, как было сказано выше, в форме их отправления «на богомолье». Власти, обеспокоенные участвовавшими случаями возвращения разочаровавшихся в османских реалиях кавказцев в Россию с непросроченными паспортами и, как следствие, законными правами на вселение в места прежнего проживания, в марте 1861 г. заменили эту чреватую «неудобствами» формулу на более простую процедуру, предусматривавшую «увольнение туземцев в Турцию прямо на переселение» с соответствующей пометкой в паспортах², чем в дальнейшем исключалась их легальная реэмиграция; нелегальные же возвра-

¹ В большинстве этих документов под черкесскими мухаджирами подразумеваются, несомненно, кабардинцы, а порой и представители других народов Центрального и Восточного Кавказа, также иммигрировавшие в этот период в основном морским путем (см. ниже). Показательна, например, конструкция «дагестанские черкесы» в ВОА. А.МКТ.МНМ 193/46 и ВОА. А.МКТ.NZD 323/36.

² Тем не менее факты ухода горцев под предлогом хаджа в османские пределы на постоянное жительство продолжали иметь место в различных частях края и позже [Магомеддаев 2000].

щенцы подлежали ссылке во внутренние губернии империи «как бездомные пришельцы» [Дзагуров 1925: 147; Кумыков 2001: 118, 122-123]¹.

Судя по содержащимся в составленном по окончании Кавказской войны отчете Евдокимова приблизительным калькуляциям, всего в 1861 и, вероятно, первой половине 1862 г. из Закубанья выселилось более 50 тыс. адыгов и абазин [Кумыков 2003: 218]², что многократно превосходило объемы их эмиграции в предшествующие три года. В османских официальных документах отсутствуют отдельные сведения о числе иммигрировавших в указанный промежуток времени закубанцев, однако фиксируемый ими начиная с 1861 г. ощутимый рост интенсивности прибытия в страну крупных и мелких партий «черкесских мухаджиров»³ (под которыми, правда, в этот период могли скрываться выходцы не только из Кубанской области, но и более восточных районов) подтверждает резонность приведенной цифры. Общее же количество западнокавказских переселенцев 1858 – середины 1862 г. (без ногайцев) может быть уверенно оценено в не менее чем 65-70 тыс. чел.

Миграции с Центрального и Северо-Восточного Кавказа

В отличие от Северо-Западного Кавказа, где мухаджирство являлось результатом прямого имперского военного давления на как правило еще не покоренные горские общества, в центре и на восточном фланге региона – в Терской и Дагестанской областях – переселения происходили в условиях практически полной интегрированности местных народов в состав российского государства, насчитывавшей на указанном пространстве (за исключением бывшей территории Имамата Шамиля) уже несколько десятилетий.

Непосредственным импульсом к резкому усилению здесь на рубеже 1850-х – 1860-х гг. эмиграционных настроений стало, безусловно, падение Имамата и пленение его лидера русскими в 1859 г., чем были подорваны надежды всех тяготившихся властью Петербурга групп традиционного общества на восстановление своего доколониального статуса. Как отмечал писатель и публицист И. Кануков, сам прошедший в детстве путь мухаджира из Осетии в Анатолию, «[с]о взятием в плен Шамиля все горцы Кавказа почувствовали словно тесноту на родине», ибо «...ясно увидели, что прежней свободе, которую они отстаивали так мужественно от неприятелей и покупали ценою своей крови и жизни, пришел конец» [Кануков 1876: 84].

Впрочем, недовольство значительной части коренного населения русским правлением имело более давние причины, связанные прежде всего с осуществлявшимися в период Кавказской войны принудительными локальными перемещениями горских общин и произвольными отчуждениями их земель для

¹ Еще в конце 1859 г. Барятинский указывал на «государственную пользу безусловного и открытого разрешения мусульманским племенам Северного Кавказа переселяться навсегда в Турцию», находя вместе с тем опасным возвращение горцев, «ибо они проникаются религиозной нетерпимостью и враждебным расположением к России» [Гугов и др. 2000: 16; АКАК 1904: 51-52].

² Это число включает в себя, в частности, 30 тыс. абазин-ашхарцев, 4 тыс. бесленеевцев, 15 тыс. темиргоевцев, егерукаевцев и махашевцев и 2,5 тыс. бжедугов.

³ См., напр., ВОА. А.МКТ.МНМ 212/15, 212/18, 232/92; ВОА. А.МКТ.НЗД 345/49, 373/43, 382/69, 389/59; ВОА. А.МКТ.УМ 462/84, 522/18, 524/13, 540/63, 552/57, 556/34, 557/95.

нужд казачества, армии и казны [Северный Кавказ... 2007: 164; Абдулвахабова 2013: 553-554]. К этому добавлялось, особенно в достаточно феодализованных обществах – Кабарде, Осетии, Кумыкии и др., раздражение «мирной» и «замыренной» знати правительственными мерами по ослаблению ее экономического могущества и политического авторитета путем провоцирования – вольного или невольного – межсословных конфликтов внутри общин. С завершением же военных действий на востоке региона и переходом в практическую плоскость вопроса о проведении аграрных реформ на Тереке и в Дагестане «туземная» элита по существу оказалась перед выбором между перспективой дальнейшей утраты земельных владений и контроля над зависимыми сословиями на родине и скорейшим уходом вместе с оставшимися рабами и крепостными в османские пределы ради сохранения хотя бы части бывшего благосостояния и наследственных привилегий. При этом избравшим вторую альтернативу представителям аристократии и связанным с ними кругам духовенства зачастую удавалось вовлечь в мухаджирское движение также и немалое число свободных общинников, страдавших от малоземелья¹ и опасавшихся ущемления своих экономических и религиозных прав на послевоенном Кавказе [Северный Кавказ... 2007: 164-165; Тотоев 1948: 27-28; Касумов, Касумов 1992: 158]. С другой стороны, отдельные крестьянские коллективы, напротив, толкало к эмиграции стремление избавиться от владельческих притязаний своих феодалов [Хамицаева 2018: 173-177].

Нельзя при этом не заметить, что некоторые оппозиционные горские группы демонстрировали столь решительную настроенность на переселение, что были готовы пренебречь даже возможностью предварительного направления в Стамбул своих депутатов для изучения условий поселения во владениях султана [Кумыков 2001: 101-102; Грабовский 1876: 210], как то предусматривало русско-османское соглашение 1860 г. В равной мере бессильны удержать многих из желающих покинуть Кавказ членов традиционной элиты оказывались порой и предоставленные им престижные чины и выгодные должности в российских военных и управленческих структурах.

Власти в целом не препятствовали этой миграции, заботясь в первую очередь о том, чтобы край покинули «фанатики и все беспокойные», а «благонадежные» элементы остались на месте [Кумыков 2001: 95, 104-105; Тотоев 1948: 29]. Как и в Закубанье, переселенцы формально отпускались в хадж, причем с апреля 1860 г. им позволялось следовать исключительно через Тамань и далее в османские порты на судах Русского общества пароходства и торговли², на которые они должны были быть «принимаемы с их пожитками и скотом» [Кумыков 2001: 95, 129; Хамицаева 2018: 172-173]. Очевидно, однако, что на корабли могло быть погружено лишь ограниченное количество животных, большая же их часть наряду с недвижимым имуществом продавалась отъезжающими гор-

¹ Согласно докладной записке бывшего начальника Военно-Осетинского и Чеченского округов М. Кундухова начальнику главного штаба Кавказской армии А. Карцову от 25 августа 1863 г., установленные властями в регионе нормы земледеления были далеки от справедливости: если казакам отводилось по 30 десятин на душу, то горцам – не более 2-5 [Кундухов 2013: 80-81].

² На практике, впрочем, в перевозке северокавказцев из Тамани в Анатолию в этот период были задействованы и османские суда [ВОА. А.МКТ.МНМ 229/50; ВОА. А.МКТ.НЗД 361/86].

цами по доступной стоимости на родине. Заметим, что для самих жителей Центрального и Восточного Кавказа предпочтительным обычно являлось сухопутное путешествие через Закавказье в пограничный Карсский санджак как более короткое и безопасное по сравнению с морским («столь страшным», по словам начальника Кабардинского округа В. Орбелиани, для никогда не видевших моря горцев [Кумыков 2001: 96]), а главное – позволяющее перегнать большее количество скота и перевезти нажитый домашний скарб на новое место проживания.

По статистике кавказской администрации, в течение 1860-1861 гг. из Кабарды в Турцию ушло в общей сложности 941 семейство или 10343 чел. [Кумыков 2001: 115] Со своей стороны, османские документы этого периода также фиксируют въезд значительных групп «кабардинцев» (*кабартай*) или «черкесов кабардинского племени», при том что во многих случаях представители этого народа, несомненно, записывались иммиграционными служащими без уточнения субэтнической принадлежности просто как «черкесы». Судя по всему, наиболее ранним партиям кабардинских переселенцев удалось добраться до новой родины сухим путем. Известно, например, что в феврале 1860 г. границу в районе Карса пересекли 76 семейств (около 500 чел.), предводители которых сообщили османским властям о движении следом за ними еще примерно 500 семейств своих соплеменников [ВОА. А.МКТ.УМ 417/66, 461/82] (сведений о прибытии последних, однако, не выявлено). После же введения русскими властями запрета на использование этого маршрута отмечены перемещения только по морю из Тамани первоначально в Стамбул, а в дальнейшем в Трабзон, Самсун и Синоп. Обнаружены, в частности, упоминания о прибытии 920 чел. в Стамбул в июле 1860 г. [ВОА. А.МКТ.NZD 319/1], 894 чел. в Стамбул в августе 1860 г. [ВОА. А.МКТ.NZD 323/36], 1435 чел. в Трабзон в октябре 1860 г. [ВОА. А.МКТ.NZD 328/8], 600 чел. в Синоп в ноябре 1860 г. [ВОА. А.МКТ.МНМ 200/83], 250 чел. в Трабзон в декабре 1860 г. [ВОА. А.МКТ.МНМ 201/42, 206/60], 1000 чел. в Самсун в июле 1861 г. [ВОА. А.МКТ.МНМ 229/50; ВОА. А.МКТ.NZD 361/86], 700 чел. в Самсун в августе 1861 г. [ВОА. А.МКТ.NZD 361/86], 1011 чел. в Трабзон в октябре 1861 г. [ВОА. А.МКТ.УМ], 135 чел. в Самсун в декабре 1861 г. [ВОА. А.МКТ.УМ 523/88]

Из Осетии, согласно российским данным, в конце 1859 и в 1860 г. переселилось сухим и морским путем не менее 300-350 семейств или до 3 тыс. чел. [Тотоев 1948: 27-30; Кундухов 2013: 81], и несколько меньшее количество, по всей видимости, отбыло в следующие два года [Хамицаева 2018: 181-183; Кумыков 2003: 140]. При этом часть осетин предположительно регистрировалась османскими чиновниками как «черкесы» и потому трудно идентифицируема среди массы мухаджиров. Достоверно относящимися к осетинам являются сообщения об иммиграции сухопутьем зимой 1859-1860 гг. 160 семейств дигорцев (*дигор*) [ВОА. А.МКТ.NZD 398/7; ВОА. А.МКТ.УМ 484/71] и прибытии в Трабзон в августе 1860 г. представителей двух привилегированных сословно-клановых групп – 98 баделиатов (*бадилан*) [ВОА. А.МКТ.УМ 425/8] и неуточненного числа тагиатов (*таги*) [ВОА. А.МКТ.МНМ 193/46], вероятно с каким-то количеством «подданных». Кроме того, в датированном сентябрем 1861 г.

документе упоминается находящаяся в течение определенного времени в Карском санджаке община дигорцев численностью в 400 семейств [Набиçođlu 1993: 91], где под семейством/домом (*хане*) подразумевается малая нуклеарная семья в среднем в 5 чел., а не расширенное семейство-«двор» русских источников.

В 1860 г., на фоне попыток терского областного руководства осуществить насильственное перемещение жителей горной полосы Чечни на плоскость и вызванного этим народного возмущения [Ибрагимова 2006: 314-316], имела место миграция в Анатолию и нескольких тысяч чеченцев¹, выступающих в документах принимающей стороны, как правило, под собственным этнонимом, обычно также с локальной спецификацией. Так, летом и осенью указанного года зафиксировано прибытие в трабзонский порт несколькими партиями в совокупности около 2 тыс. большечеченцев (*чечен-и кюбра*) [ВОА. А.МКТ.МНМ 195/79; ВОА. А.МКТ.NZD 322/67, 323/12, 325/53, 327/23, 328/80] и не менее 500 малочеченцев (*чечен-и сугра*) [ВОА. А.МКТ.МНМ 193/46, 206/60].

Комплекс названных выше политических, социально-экономических и религиозных факторов способствовал ощутимому росту эмиграционных тенденций и в Дагестане, хотя областной администрацией, опасавшейся «опустошения края» в случае распространения подобного «брожения умов», были предприняты, похоже, довольно эффективные усилия по пресечению агитации в пользу переселения [Магомеддаев 2000: 49-51, 64-65]. Как утверждается в отчете начальника Дагестанской области от 1869 г., количество местных жителей, ушедших в Турцию с сентября 1859 по 1861 г., не превысило благодаря ограничительным мерам властей 702 чел. [Магомеддаев 2000: 49] Данные турецких архивов, однако, свидетельствуют о более значимом притоке определяемых как «дагестанцы» (*дагыстанлы*) или «кумыки» (*кумук*) мухаджиров, число которых в указанный период вполне могло достичь 2-3 тыс. чел. Из достаточно заметных групп могут быть упомянуты временно размещенные в июле 1860 г. во дворе мечети Султанахмед 117 чел. [ВОА. А.МКТ.NZD 318/59], доставленные в августе 1860 г. в Стамбул 80 чел. (в составе почти 3-тысячного контингента кавказцев и крымцев) [ВОА. А.МКТ.NZD 323/36], временно проживавшее в октябре 1860 г. в Дарульфюнуне 141 семейство (примерно 700-800 чел.) [ВОА. İ.MVL 439/19469], прибывшие в Стамбул в ноябре 1860 г. 50 семейств (не менее 500 чел.) «подданных шейха Шамиля» [ВОА. А.МКТ.UM 437/56], высадившиеся в декабре 1861 г. в Самсуне 529 чел. [ВОА. А.МКТ.UM 523/96] и др. Отмечено также прибытие целого ряда более мелких коллективов численностью от нескольких до нескольких десятков человек [см., напр., ВОА. А.МКТ.МНМ 196/103, 760/109; ВОА. А.МКТ.NZD 314/9, 314/10, 320/57, 383/89]. Кроме того, к дагестанским народам с высокой вероятностью принадлежали 146 «шекинских» и 15 «ширванских» мухаджиров, прибывших в октяб-

¹ Нельзя не обратить внимание на факт полной незамеченности данной иммиграции в отечественной историографии, в том числе в специально посвященных вайнахскому мухаджирству работах [Бадаев 2008; Абдулвахабова 2013], что, скорее всего, является следствием невыявленности или недоступности содержащих соответствующую информацию российских архивных документов. Между тем в османских источниках вполне адекватное отражение нашла не только сама чеченская иммиграция 1860 г., но и перипетии непростой адаптации этих переселенцев в Анатолии, в том числе их попытки возвращения на родину [см., напр., Чочиев 2021: 64-65, 67].

ре 1861 г. в Трабзон вместе с большой партией кабардинцев [BOA. A.MKT.UM 515/52].

С другой стороны, некоторые дагестанцы явно отправлялись в Османскую империю в рекогносцировочных целях для оценки условий поселения в стране, что не осталось незамеченным местными властями. Так, в письме губернатора Трабзонского вилайета Порте от 23 марта 1861 г. сообщалось, что, помимо «обычных» черкесских и дагестанских мухаджиров, въезжающих «с семьями и родственниками», с некоторого времени в портах и пристанях провинции начали появляться мужчины из Дагестана, прибывающие без семей по 3-5 человек «на пароходах и лодках» и больше напоминающие «путешественников и торговцев», но при этом требующие предоставления им положенной иммигрантам материальной помощи. В ответе из Стамбула губернатору было предписано, в соответствии с официальной иммиграционной политикой, не поддерживать таких лиц какими-либо выплатами во избежание составления этим примера и стимула для других «несемейных» элементов [BOA. A.MKT.UM 462/84].

В целом очевидно, что обозначившийся во второй половине 1859 г. всплеск миграции из центральных и восточных областей Северного Кавказа достиг своего пика в течение 1860-1861 гг. и почти полностью сошел на нет к 1862 г. Общее количество ушедших на данном этапе в Османскую империю уроженцев названных частей региона составило, по-видимому, около 20 тыс. чел., то есть фактически примерный подушный эквивалент 3 тыс. семейств, переселение которых санкционировалось осmano-российскими договоренностями весны 1860 г.

Заключение

Подводя некоторый итог прослеженной выше миграционной активности, можно отметить, что с учетом содержащихся в доступных источниках сведений совокупная численность северокавказских (не считая ногайских) мухаджиров 1858 – середины 1862 г. вполне может приближаться к 100 тыс. чел. или даже превосходить, возможно существенно, эту цифру. Напомним в связи с этим, что петербургский Кавказский комитет в июле 1861 г. предполагал, что «в течение последних пяти или шести лет... под предлогом путешествия в Мекку для поклонения гробу Магомета вышли в Турцию с намерением там водвориться... свыше ста тысяч... жителей северной части Кавказа» [Гугов и др. 2000: 37]. Этому в принципе едва ли противоречит фигурирующая в поданной Порте в мае 1861 г. докладной записке Высшего совета по реформам (*Меджлис-и али-и танзимат*) приблизительная оценка количества прибывших в Османскую империю северокавказцев в 150 тыс. чел. [BOA. I.MMS 22/961], которая включала в себя как горцев, так и ногайцев, и в том числе, несомненно, какое-то число лиц, не учтенных по тем или иным причинам российскими инстанциями¹. Последняя оценка подтверждается и появившейся в октябре того же года в стам-

¹ Впрочем, количество таких незарегистрированных мигрантов на рассматриваемом этапе представляется сравнительно незначительным. Самостоятельные отправления многочисленных групп переселенцев и беженцев с кавказского побережья свидетельствуются источниками лишь для периода массового изгнания черкесов 1863-1864 гг.

бульской прессе информацией об иммиграции в страну 147 тыс. чел. «ногайского, черкесского и кумыкского племен», то есть северокавказцев в целом [Набиçođlu 1993: 71]. Вместе с тем следует иметь в виду, что измеряющееся по меньшей мере несколькими тысячами человек количество горских мигрантов этих лет, преимущественно выходцев из Терской и Дагестанской областей, уже вскоре после прибытия в османские пределы покинуло их и легально или нелегально вернулось на родину [Хамицаева 2018: 179, 184-186].

Социальный состав северокавказской эмиграции на рассматриваемом этапе характеризовался заметным удельным весом представителей сословных, экономических и религиозных элит региона, обычно обладавших высоким традиционным статусом и возможностями для перевозки на османскую территорию не только членов своих семей и кланов, но и значительной части имущества, включая – нередко под названием «домочадцев» – рабов и крепостных [Cuthell 2005: 129, 157; Покровский 1989: 302-303]. Группы переселенцев с Северо-Западного и Центрального Кавказа возглавлялись, как правило, представителями высшей феодальной знати (иногда носителями также российских офицерских званий [Кумыков 2001: 113-115; Хамицаева 2018: 181-183; ТНА. FO 881/3065]), упоминаемыми в османских документах с добавлением неофициального почетного титула «бей» (господин, владетель) или реже «ага» (хозяин, старшина). Дагестанские и чеченские же мухаджиры, в миграции которых более значимую роль играли исламские мотивы и лидеры, чаще прибывали в султанские владения под предводительством лиц с титулами «эфенди», «ходжа», «шейх» и т.п.

С точки зрения динамики процесса мухаджирства данный период характеризовался формированием устойчивого миграционного потока в Османскую империю практически из всех частей Северного Кавказа. Именно в конце 1850-х – начале 1860-х гг. переселение кавказцев в Османскую империю весьма стремительно приобрело никогда ранее не свойственные ему массовость и систематичность. При этом, если на западе региона эти тенденции были обусловлены в первую очередь действиями военно-колониальной администрации по насильственному вытеснению горцев из мест исконного проживания, то в центре и на востоке исход явился по преимуществу реакцией (в какой-то степени протестной, как обращалось внимание в историографии [Тотоев 1948: 33, 46; Дзидзария 1982: 8, 12]) некоторых сегментов традиционного феодально-патриархального общества на навязываемый в рамках российских аграрных реформ вариант социальной модернизации. В то же время, несмотря на явно зревший в эти годы в высшем кавказском и центральном военно-политическом руководстве консенсус о неизбежности решения задачи «умиротворения» края путем удаления из него крупных массивов «враждебного» («неблагонадежного», «непримиримого», «фанатичного» и т.п.) населения, реальная практика царских управленцев и генералов позволяет говорить все-таки не о целенаправленном изгнании неугодных подданных за пределы государства, а скорее о принципиальной готовности расстаться с не видящими для себя безопасного и достойного будущего на российском Кавказе и потому настроенными на спасительный уход/бегство во владения единоверного султана «туземными» группа-

ми, зачастую подталкивая их – силовым давлением или закулисными манипуляциями – к такому шагу. Что же касается позиции османской стороны, в ней не просматривается каких-либо признаков стимулирования – напрямую или через свою агентуру в регионе – кавказской иммиграции, но, напротив, хорошо заметны растущая озабоченность в связи с ее непредвиденной эскалацией и стремление к сдерживанию или замедлению притока мухаджиров, тем не менее неизменно и практически без ограничений принимаемых в страну прежде всего по морально-религиозным и политико-идеологическим соображениям. В равной мере отсутствуют свидетельства наличия у Порты сколько-нибудь конкретных предварительных расчетов по экономически, социально или политически мотивированному размещению («использованию») на своей территории данной категории переселенцев, что, впрочем, не исключает выработки в дальнейшем относительно рациональных проектов распоряжения спонтанно обретенным людским потенциалом в соответствии с интересами и потребностями государства. Указанные обстоятельства и характер имевших место в этот период дипломатических контактов между двумя империями по вопросу горских переселений достаточно определенно высвечивают иницилирующую и регулирующую роль российских официальных кругов в разворачивании рассматриваемого движения при очевидно «ведомом» положении османов, действия которых в основном сводились к более или менее своевременному и успешному реагированию на возникающие миграционные вызовы, а порой и свершившиеся факты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулвахабова 2013 – *Абдулвахабова Б.Б.-А.* Насильственное переселение чеченцев в Турцию во 2-й половине XIX в. как форма мирного решения государственных проблем // Дагестан в российском историческом процессе. Мат-лы междунар. науч. конф. / отв. ред. Э.М. Далгат. – Махачкала: Алеф, 2013. – С. 253-259.

АКАК 1904 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. – Т. XII. – Тифлис: Тип. гл. упр. наместника кавказского, 1904. – 1558 с.

Бадаев 2008 – *Бадаев С.-Э.С.* Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем Востоке: история и современность. – Нальчик: Респ. полиграфкомб. им. Революции 1905 г., 2008. – 315 с.

Берже 1882 – *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – 1882. – Кн. II. – С. 337-363.

Грабовский 1876 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. IX. – Исследования и материалы. – Тифлис: Тип. гл. упр. наместника кавказского, 1876. – С. 112-212.

Гугов и др. 2000 – Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX – начало XX в.). Сб. док-тов и мат-лов / сост. Р.Х. Гугов, Х.А. Касумов, Д.В. Шабаетов. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 462 с.

Дзагуров 1925 – Переселение горцев в Турцию. Мат-лы по ист. горских народов / сост. Г.А. Дзагуров. – Ростов-на-Дону: Севкавказкнига, 1925. – 202 с.

Дзидзария 1982 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми: Алашара, 1982. – 530 с.

Ибрагимова 2006 – *Ибрагимова З.Х.* Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. – М.: Пробел-2000, 2006. – 756 с.

Кануков 1876 – *Кануков И.* Горцы-переселенцы // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. IX. – Этнографические очерки. – Тифлис: Тип. гл. упр. наместника кавказского, 1876. – С. 84-112.

Касумов, Касумов 1992 – *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. – Нальчик: Логос, 1992. – 199 с.

Кудаева 1998 – *Кудаева С.Г.* Огнем и железом. *Igni et Ferro*. Вынужденное переселение адыгов в Османскую империю (20-70-е гг. XIX в.). – Майкоп: МГТУ, 1998. – 134 с.

Кумыков 2001 – Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сб. арх. док-тов / сост. Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 496 с.

Кумыков 2003 – Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874 гг.) / сост. Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 413 с.

Кундухов 2013 – *Кундухов М.А.* Мемуары. – Владикавказ: ИПП им. В. Гассиева, 2013. – 91 с.

Кушхабиев 2009 – История адыгов в документах Османского государственного архива / сост. А.В. Кушхабиев. – Нальчик: Респ. полиграфкомб. им. Революции 1905 г., 2009. – 404 с.

Лапинский 1995 – *Лапинский Т. (Тэффик-бей).* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 464 с.

Магомеддадаев 2000 – Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. Сб. док-тов и мат-лов / сост. А. Магомеддадаев. – Кн. I. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2000. – 434 с.

Милютин 2003 – *Милютин Д.А.* Воспоминания (1863-1864 гг.) / под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: РОССПЭН, 2003. – 688 с.

Озова 2015 – *Озова Ф.А.* Депортация черкесов в 1856-1864 гг.: план и его реализация // Клио. – 2015. – № 5(101). – С. 59-70.

Панеш 2006 – *Панеш А.Д.* Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). – Майкоп: МГТУ, 2006. – 250 с.

Покровский 1989 – *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в.: социально-экономические очерки. – Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1989. – 319 с.

Половинкина 2001 – *Половинкина Т.В.* Черкесия – боль моя. Исторический очерк (древнейшее время – начало XX в.). – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. – 224 с.

Северный Кавказ... 2007 – Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.

Тотоев 1948 – *Тотоев М.С.* К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859-1865 гг.) // Известия СОНИИ. – Т. XIII. – 1948. – Вып. I. – С. 24-46.

Хамицаева 2018 – Осетия в кавказской политике Российской империи (XIX в.). Сб. док-тов и мат-лов / сост. А.А. Хамицаева. – Владикавказ: Ир, 2018. – 272 с.

Чочиев 2021 – *Чочиев Г.В.* Проблема «возвращения на родину» в северокавказской диаспоре в Турции (османский период) // Вопросы истории. – 2021. – № 6(1). – С. 61-84. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202106Statyi10.

Чочиев 2023a – *Чочиев Г.В.* Иммиграция дагестанцев в Османскую империю в период Кавказской войны (1820-е – 1850-е гг.) // История, археология и этнография Кавказа. – Т. XIX. – 2023. – № 1. – С. 55-66. – DOI: 10.32653/CH19155-66.

Чочиев 2023b – *Чочиев Г.В.* Иммиграция черкесов в Османскую империю в 1820-х – 1850-х гг. // Кавказология. – 2023. – № 1. – С. 14-32. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-14-32. – EDN: AANHXY.

Bayraktar 2008 – *Bayraktar H.* Kırım Savaşı Sonrası Adana Eyaleti'ne Yapılan Nogay Göç ve İskânları (1859-1861) // Bilig. – 2008. – No 45. – S. 45-72.

BOA – Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi.

Buzpınar 1997 – *Buzpınar Ş.T.* Suriye'ye Yerleşen Cezayirli Muhacirlerin Tâbiyeti Meselesi (1847-1900) // İslâm Araştırmaları Dergisi. – 1997. – No 1. – S. 91-106.

- Cuthell 2005 – *Cuthell D.C.* The ‘Muhacirin Komisyonu’: An Agent in the Transformation of Ottoman Anatolia (1860-1866). PhD dissertation. – N.Y.: Columbia University, 2005. – 280 p.
- Fauvel 1864 – *Fauvel A.* L’émigration circassienne en Turquie // *Gazette médicale d’Orient.* – T. VIII. – 1864. – No 4. – P. 49-60.
- Habiçoğlu 1993 – *Habiçoğlu B.* Kafkasya’dan Anadolu’ya Göçler. – İstanbul: Nart, 1993. – 187 s.
- Karpat 1984-1985 – *Karpat K.H.* Ottoman Urbanism: The Crimean Emigration to Dobruca and the Founding of Mecidiye (1856-1878) // *International Journal of Turkish Studies.* – Vol. III. – 1984-1985. – No 1. – P. 1-25.
- Karpat 1985 – *Karpat K.H.* Ottoman Population (1830-1914): Demographic and Social Characteristics. – Madison: The University of Wisconsin, 1985. – 242 p.
- Koğ 2020 – *Koğ Y.* Kırım Savaşı ve Kafkas Göçlerinde Salgın Hastalıklar (1853-1864). Yüksek Lisans Tezi. – Yozgat: Bozok Üniversitesi, 2020. – 134 s.
- Lütfî 1984 – *Ahmed Lütfî Efendi.* Vak'a-nüvis Ahmed Lütfî Efendi Tarihi / yay.: M. Aktepe. – C. IX. – İstanbul: İ.Ü. Edebiyat Fakültesi, 1984. – 342 s.
- Rosser-Owen 2007 – *Rosser-Owen S.I.* The First ‘Circassian Exodus’ to the Ottoman Empire (1858-1867), and the Ottoman Response. MA dissertation. – L.: University of London, 2007. – 73 p.
- Sağlam 2020 – *Sağlam N.* Arşiv Kaynaklarına Göre İstanbul’a Kırım ve Kafkas Göçleri (1858-1864) // *Tarih Okulu Dergisi.* – C. XIII. – 2020. – No 46. – S. 1525-1555. – DOI: <http://dx.doi.org/10.29228/Joh37326>.
- Saydam 1997 – *Saydam A.* Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856-1876). – Ankara: TTK, 1997. – 235 s.
- TNA – United Kingdom. The National Archives.
- Toledano 1982 – *Toledano E.R.* The Ottoman Slave Trade and Its Suppression (1840-1890). – Princeton: Princeton University Press, 1982. – 307 p.
- Turgay 1991 – *Turgay A.Ü.* Circassian Immigration into the Ottoman Empire (1856-1878) // *Islamic Studies Presented to Charles J. Adams* / ed. by W.B. Hallaq & D.P. Little. – Leiden: Brill, 1991. – P. 193-217.

REFERENCES

- ABDULVAKHABOVA B.B.-A. *Nasil'stvennoe pereselenie chechentsev v Turtsiyu vo 2-i polovine XIX v. kak forma mirnogo resheniya gosudarstvennykh problem* [Forced Resettlement of Chechens to Turkey in the 2nd Half of the 19th c. as a Form of Peaceful Solution to State Problems]. – In: *Dagestan v rossiiskom istoricheskom protsesse. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Dagestan in the Russian Historical Process. Proceedings of the International Scientific Conference] / comp by E.M. Dalgat. – Makhachkala: Alef, 2013. – P. 253-259. (In Russ.).
- AHMED LÜTFÎ EFENDÎ. *Vakanüvis Ahmed Lütfî Efendi Tarihi* / Publ. by M. Aktepe – Vol. 9. – İstanbul: İÜEF, 1984. – 342 p.
- Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei* [Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. – Vol. 12. – Tiflis: The Main Department of the Caucasian Governor, 1904. – 1558 p. (In Russ.).
- Arkhivnye materialy o Kavkazskoi voine i vyselenii cherkasov (adygov) v Turtsiyu (1848-1874 gg.)* [Archival Materials about the Caucasian War and the Eviction of the Circassians (Adygs) to Turkey (1848-1874)] / comp. by T.Kh. Kumykov. – Nalchik: El-Fa, 2003. – 413 p. (In Russ.).
- BADAEV S.-E. S. *Chechenskaya diaspora na Srednem i Blizhnem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Chechen Diaspora in the Middle East: History and Modernity]. – Nalchik: Republican 1905 Revolution Printing House, 2008. – 315 p. (In Russ.).
- BAYRAKTAR H. *Kırım Savaşı Sonrası Adana Eyaleti'ne Yapılan Nogay Göç ve İskânları (1859-1861)*. – In: *Bilig.* – 2008. – No 45. – P. 45-72.

BERZHE A.P. *Vyselenie gortsev s Kavkaza* [Eviction of Highlanders from the Caucasus]. – In: *Russkaya starina* [Russian antiquity]. – 1882. – Book 2. – P. 337-363. (In Russ.).

BUZPINAR Ş.T. *Suriye'ye Yerleşen Cezayirli Muhacirlerin Tâbiyeti Meselesi (1847-1900)*. – In: *İslâm Araştırmaları Dergisi*. – 1997. – No 1. – P. 91-106.

CHOCHIEV G.V. *Immigratsiya cherkesov v Osmanskuyu imperiyu v 1820-kh – 1850-kh gg.* [Immigration of Circassians to the Ottoman Empire in the 1820s – 1850s]. – In: *Caucasology*. – 2023. – No 1. – P. 14-32. (In Russ.).

CHOCHIEV G.V. *Immigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu v period Kavkazskoi voyny (1820-e – 1850-e gg.)* [Immigration of Dagestanis to the Ottoman Empire during the Caucasian War (1820s-1850s)]. – In: *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. – Vol. 19. – 2023. – No 1. – P. 55-66. (In Russ.).

CHOCHIEV G.V. *Problema “vozvrashcheniya na roдинu” v severokavkazskoi diaspore v Turtsii (osmanskii period)* [The Problem of “Return to the Homeland” in the North Caucasian Diaspora in Turkey (Ottoman Period)]. – In: *Voprosy Istorii*. – 2021. – No 6(1). – P. 61-84. (In Russ.).

CUTHELL D.C. *The ‘Muhacirin Komisyonu’: An Agent in the Transformation of Ottoman Anatolia (1860-1866)*. PhD dissertation. – New York: Columbia University, 2005. – 280 p.

DZIDZARIYA G.A. *Makhadhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya* [Muhajirism and Problems of the History of Abkhazia in the 19th c.]. – Sukhumi: Alashara, 1982. – 530 p. (In Russ.).

Emigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu. Sbornik dokumentov i materialov [Emigration of Dagestanis to the Ottoman Empire. Collection of Documents and Materials] / comp. by A. Magomeddadaev. – Book 1. – Makhachkala: Daghestan Scientific Centre of RAS, 2000. – 434 p. (In Russ.).

FAUVEL A. *L'émigration circassienne en Turquie*. – In: *Gazette médicale d'Orient*. – Vol. 8. – 1864. – No 4. – P. 49-60.

GRABOVSKII N.F. *Prisoedinenie k Rossii Kabardy i bor'ba ee za nezavisimost'* [The Annexation of Kabarda to Russia and Its Struggle for Independence]. – In: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Information about the Caucasian Highlanders]. – Iss. 9. – Issledovaniya i materialy [Studies and Materials]. – Tiflis: The Main Department of the Caucasian Governor, 1876. – P. 112-212. (In Russ.).

HABIÇOĞLU B. *Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler*. – Istanbul: Nart, 1993. – 187 p.

IBRAGIMOVA Z.Kh. *Chechenskii narod v Rossiiskoi imperii: adaptatsionnyi period* [Chechen People in the Russian Empire: Adaptation Period]. – Moscow: Probel-2000, 2006. – 756 p. (In Russ.).

Istoriya adygov v dokumentakh Osmanskogo gosudarstvennogo arkhiva [History of the Adyghees in the Documents of the Ottoman State Archives] / comp. by A.V. Kushkhabiev. – Nal'chik: Republican 1905 Revolution Printing House, 2009. – 404 p. (In Russ.).

KANUKOV I. *Gortsy-pereselentsy* [Highlander Migrants]. – In: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Information about the Caucasian Highlanders]. – Iss. 9. – Etnograficheskie ocherki [Ethnographic Essays]. – Tiflis: The Main Department of the Caucasian Governor, 1876. – P. 84-112. (In Russ.).

KARPAT K.H. *Ottoman Population (1830-1914): Demographic and Social Characteristics*. – Madison: University of Wisconsin, 1985. – 242 p.

KARPAT K.H. *Ottoman Urbanism: The Crimean Emigration to Dobruca and the Founding of Mecidiye (1856-1878)*. – In: *International Journal of Turkish Studies*. – Vol. 3. – 1984-1985. – No 1. – P. 1-25.

KASUMOV A.KH., KASUMOV KH.A. *Genotsid adygov. Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke* [Genocide of Adyghees. From the History of the Struggle of the Adyghees for Independence in the 19th c.]. – Nalchik: Logos, 1992. – 199 p. (In Russ.).

KOĞ Y. *Kırım Savaşı ve Kafkas Göçlerinde Salgın Hastalıklar (1853-1864)*. MA dissertation. – Yozgat: Bozok Üniversitesi, 2020. – 134 p.

KUDAEVA S.G. *Ognem i zhelezom. Igni et Ferro. Vynuzhdennoe pereselenie adygov v Osmanskuyu imperiyu (20-70-e gg. XIX v.)* [By Fire and Iron. Igni et Ferro. Forced Relocation of the Adyghe People to the Ottoman Empire (1820s-1870s)]. – Maykop: Maykop State Technological Institute, 1998. – 134 p. (In Russ.).

KUNDUKHOV M.A. *Memuary* [Memoirs]. – Vladikavkaz: V. Gassiev Printing House, 2013. – 91 p. (In Russ.).

LAPINSKII T. (TEFFIK-BEI). *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh* [Mountaineers of the Caucasus and Their Liberation Struggle against the Russians]. – Nalchik: El-Fa, 1995. – 464 p. (In Russ.).

MILYUTIN D.A. *Vospominaniya (1863-1864 gg.)* [Memories (1863-1864)] / ed. by L.G. Zakharova. – Moscow: ROSSPEN, 2003. – 688 p. (In Russ.).

Osetiya v kavkazskoi politike Rossiiskoi imperii (XIX v.). Sbornik dokumentov i materialov [Ossetia in the Caucasian Politics of the Russian Empire (19th c.). Collection of Documents and Materials] / comp. by A.A. Khamitsaeva. – Vladikavkaz: Ir, 2018. – 272 p. (In Russ.).

Ottoman Archives of the Directorate of State Archives of the Presidency of the Republic of Turkey.

OZOVA F.A. *Deportatsiya cherkosov v 1856-1864 gg.: plan i ego realizatsiya* [Deportation of Circassians in 1856-1864: The Plan and Its Implementation]. – In: *Klio*. – 2015. – No 5(101). – P. 59-70. (In Russ.).

PANESH A.D. *Zapadnaya Cherkesiya v sisteme vzaimodeistviya Rossii s Turtsiei, Anglii i imatom Shamilya v XIX v. (do 1864 g.)* [Western Circassia in the System of Interaction of Russia with Turkey, England and Shamil's Imamate in the 19th Century (until 1864)]. – Maykop, Maykop State Technological Institute, 2006. – 250 p. (In Russ.).

Pereselenie gortsev v Turtsiyu. Materialy po istorii gorskikh narodov [Relocation of the Highlanders to Turkey. Materials on the History of Mountain Peoples] / comp. by G.A. Dzagurov. – Rostov-on-Don: Sevkvakniga, 1925. – 202 p. (In Russ.).

POKROVSKII M.V. *Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.: sotsial'no-ekonomicheskie ocherki* [From the History of the Adyghees at the End of the 18th - First Half of the 19th c.: Socio-economic Essays]. – Krasnodar: Krasnodar Book Publishers, 1989. – 319 p. (In Russ.).

POLOVINKINA T.V. *Cherkesiya – bol' moya. Istoricheskii ocherk (drevneishee vremya – nachalo XX v.)* [Circassia – My Pain. Historical Essay (Ancient Times – Beginning of 20th Century)]. – Maykop: "Adygeya" Publishers, 2001. – 224 p. (In Russ.).

Problemy Kavkazskoi voyny i vyselenie cherkosov v predely Osmanskoi imperii (20-70-e gg. XIX v.). Sbornik arkhivnykh dokumentov [Problems of the Caucasian War and the Eviction of the Circassians to the Ottoman Empire (20-70s of the 19th c.). Collection of Archival Documents] / comp. by T.Kh. Kumykov. – Nalchik: Elbrus, 2001. – 496 p. (In Russ.).

ROSSER-OWEN S.I. *The First 'Circassian Exodus' to the Ottoman Empire (1858-1867), and the Ottoman Response*. MA dissertation. – London: University of London, 2007. – 73 p.

SAĞLAM N. *Arşiv Kaynaklarına Göre İstanbul'a Kırım ve Kafkas Göçleri (1858-1864)*. – In: *Journal of History School*. – Vol. 13. – 2020. – No 46. – P. 1525-1555.

SAYDAM A. *Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856-1876)*. – Ankara: TTK, 1997. – 235 p.

Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii [The North Caucasus as a Part of the Russian Empire] / ed. by V.O. Bobrovnikov, I.L. Babich. – Moscow: New Literary Review, 2007. – 460 p. (In Russ.).

TOLEDANO E.R. *The Ottoman Slave Trade and Its Suppression (1840-1890)*. – Princeton: Princeton University, 1982. – 307 p.

TOTOEV M.S. *K voprosu o pereselenii osetin v Turtsiyu (1859-1865 gg.)* [On the Issue of Resettlement of Ossetians to Turkey (1859-1865)]. – In: *Proceedings of SONII*. – Vol. 13. – 1948. – Iss. 1. – P. 24-46. (In Russ.).

Tragicheskie posledstviya Kavkazskoi voyny dlya adygov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Sbornik dokumentov i materialov [The Tragic Consequences of the Caucasian War for the

Circassians (Second Half of the 19th – Early 20th c.). Collection of Documents and Materials] / comp. by R.Kh. Gugov, Kh.A. Kasumov, D.V Shabaev. – Nalchik: El-Fa, 2000. – 462 p. (In Russ.).

TURGAY A.Ü. *Circassian Immigration into the Ottoman Empire (1856-1878)*. – In: *Islamic Studies Presented to Charles J. Adams* / ed. by W.B. Hallaq & D.P. Little. – Leiden: Brill, 1991. – P. 193-217.

United Kingdom. The National Archives.

Информация об авторе

Г.В. Чочиев – кандидат исторических наук.

Information about the author

G.V. Chochiev – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 29.08.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 29.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.